

© 2016 г.

Василий Аникин

кандидат экономических наук, доцент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики,
старший научный сотрудник Института социологии РАН
(e-mail: vanikin@hse.ru)

Наталья Тихонова

доктор социологических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета Высшая школа экономики,
главный научный сотрудник Института социологии РАН
(e-mail: netichon@rambler.ru)

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В СТРАНАХ БРИКС: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА*

На широком статистическом материале доказывается, что бедность и неравенства в разных странах БРИКС имеют разную природу. Использование различных вариантов концептуализации феномена бедности позволило классифицировать бедность на несколько типов: преиндустриальная бедность в современных обществах (Индия, ЮАР), раннеиндустриальная бедность люмпенизированных городских низов (Бразилия), индустриальная бедность (Китай, Россия), а также позднеиндустриальная бедность (Россия). Делается вывод об исключительной гетерогенности российской бедности, включающей в себя элементы всех моделей, однако тяготеющей к индустриальной бедности. При этом российская модель распределения неравенств не совпадает ни с одной из 9 описанных в статье моделей неравенств. Отмечается особая актуальность мер инвестиционной политики, политики занятости, миграционной, а также налоговой политики по борьбе с бедностью «по-русски».

Ключевые слова: бедность, модели бедности, неравенство, страны БРИКС, индустриализация, депривация, социальная эксклюзия

Исследования последних лет показывают, что бедность и неравенства в России имеют свой четко выраженный «портрет», причем «портрет» этот во многом зависит от того, что именно будет пониматься под бедностью (и, следовательно, как она будет измеряться), а также о каких именно неравенствах идет речь. Однако в любом случае для того, чтобы ответить на вопрос о специфичности этих портретов, особенно учитывая чуткость бедности к методам ее измерения и концептуализации, с одной стороны, и многообразие форм неравенств, с другой, необходимо рассмотреть ситуацию в России на фоне ситуации в других странах, и прежде всего – в странах БРИКС, часть которых находится на относительно схожем этапе экономического развития. Такое сравне-

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту ИС РАН «Социальная модернизация и социокультурная динамика российского общества»

ние позволит глубже понять, в чем же заключается специфика «бедности по-российски», а также каковы характерные особенности неравенств в российском обществе.

Специфика социально-экономического развития стран БРИКС как основа существования в них разных типов бедности и неравенств. Бедность и неравенства существуют в странах БРИКС в очень разной институциональной среде (табл. 1). Соответственно, эти феномены не могут не различаться в них очень сильно.

Как видно из табл. 1, **Россия** – наиболее благополучная в экономическом отношении страна БРИКС, в целом успешно завершающая процессы урбанизации, индустриализации и второй демографический переход, а также имеющая невысокие показатели неформальной занятости и социальной нагрузки. Такое сочетание этих ключевых для оценки этапа модернизационных преобразований¹ в стране показателей свидетельствует о том, что бедность в ней должна быть в основном относительно неглубокой и не слишком широко распространена.

Бразилия характеризуется средними показателями экономического развития и очень высокой долей городского населения с высокими показателями естественного прироста и социальной нагрузки. Это означает не только то, что по этапу переживаемых ею модернизационных преобразований она заметно отстает от России, но и то, что бедность в ней будет связана с высокими показателями молодежной безработицы и многодетности. Можно сказать, что «бедность по-бразильски» программируется наличием значительной доли избыточного городского населения, имеющего неформальную занятость или вообще безработного, а также нерегулируемой рождаемостью у значительной части населения.

Китай, демонстрирующий наибольшие темпы прироста ВВП на душу населения из всех стран БРИКС, характеризуется и наибольшей сбалансированностью протекания в нем модернизационных процессов. Наиболее интересным в нем представляется фантастически быстрый (в два раза менее чем за четверть века) рост городского населения, что обуславливает наличие большого числа мигрантов первого поколения из сельской местности в городах. Именно эта социальная группа тради-

¹ Модернизацию мы понимаем в ее неомодернизационной трактовке как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, культурной или политической, но также социальной и социокультурной модернизации. Под социальной модернизацией мы подразумеваем прежде всего развитие процессов урбанизации, ведущей к растущей дифференциации общества и изменению механизмов социального контроля со смещением приоритетов в них с традиции на «писаное право» и т. д., а под социокультурной модернизацией – формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

Таблица 1
Некоторые статистические показатели социально-экономической и демографической ситуации в странах БРИКС¹

	ВВП на душу населения по ППС, долл. ^{а)}					Занятость в аграрном секторе экономики, %				
	1990	2000	2005	2013	2011	1990	2000	2005	2011	2011
Бразилия	6475	8741	10560	15034	22,8	20,6(2001)	20,5	15,3		
Россия	8021	6825	11856	24120	13,9	14,5	10,2	9,7(2009)		
Индия	1174	2062	2966	5410	60,5(1994)	59,9	55,8	51,1(2010)		
Китай	1007	2864	4963	11904	60,1	50,0	44,8	34,8		
ЮАР	6435	7554	9458	12503	–	15,6	7,5	4,6		
<i>Доля городского населения, %</i>										
	1990	2000	2005	2013	1990	2000	2005	2010		
Бразилия	73,9	81,2	82,8	85,1	23,5	18,9	15,8	13,5		
Россия	73,4	73,4	72,9	74,2	4,9	2,2	–6,5	–5,9		
Индия	25,5	27,7	29,2	32,0	22,9	19,1	16,1	14,5		
Китай	26,4	35,9	42,5	53,0	14,9	12,1	6,5	5,4		
ЮАР	52,0	56,9	59,3	62,9	22,6	15,1	10	7,3		
<i>Естественный прирост населения, %^{б)}</i>										
	1990	2000	2005	2013	1990	2000	2005	2010		
Бразилия	60,0	60,0	51,1	42,2	66	54,1	50,9	46,2		
Россия	–	–	8,6	8,9	49,6	44,1	40,8	40,5		
Индия	73,7	83,4	83,5	83,6	70,6	62,8	58,6	52,4		
Китай	–	18,0	32,0	32,6	54,0	48,1	39,2	36,8		
<i>Уровень неформальной занятости^{в)}</i>										
	1990–94	1995–99	2000–07	2009–10	1990	2000	2005	2013		
Бразилия	60,0	60,0	51,1	42,2	66	54,1	50,9	46,2		
Россия	–	–	8,6	8,9	49,6	44,1	40,8	40,5		
Индия	73,7	83,4	83,5	83,6	70,6	62,8	58,6	52,4		
Китай	–	18,0	32,0	32,6	54,0	48,1	39,2	36,8		
<i>Коэффициент социальной нагрузки^{д)}</i>										
	1990–94	1995–99	2000–07	2009–10	1990	2000	2005	2013		
Бразилия	60,0	60,0	51,1	42,2	66	54,1	50,9	46,2		
Россия	–	–	8,6	8,9	49,6	44,1	40,8	40,5		
Индия	73,7	83,4	83,5	83,6	70,6	62,8	58,6	52,4		
Китай	–	18,0	32,0	32,6	54,0	48,1	39,2	36,8		

¹ Жирным шрифтом в таблице выделены минимальное и максимальное значение каждого из использованных в ней показателей.

ЮАР	–	–	46,2	32,7	72,8	57,3	54,3	53,9
-----	---	---	------	------	------	------	------	------

Источники: BRICSJoint Statistical Publication: 2015; Brazil, Russia, India, China, South Africa/ Rosstat. – М.: «Statistics of Russia», 2015. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/BRICS_ENG.pdf (доступ проверен 9.12.2015); Eurostat. The European Union and the BRIC countries. – Luxembourg: Statistical Office of the European Communities, 2012; World Urbanization Prospects: The 2011 Revision. ST/ESA/SER.A/322. – New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2012; World Population Prospects: The 2012 Revision, Highlights and Advance Tables. – New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2013. http://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf (доступ проверен 9.12.2015); UNU-WIDER: World Income Inequality Database. World Institute for Development Economics Researс. <https://www.wider.unu.edu/data> (доступ проверен 9.12.2015); World Development Indicators. World Institute for Development Economics Researс. <http://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (доступ проверен 9.12.2015); GDP per capita, PPP (current international \$) <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDPPCAP.PP.CD> (доступ проверен 9.12.2015); Urban population <http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (доступ проверен 9.12.2015). – World Bank, 2015.

Примечания:

^{a)} ВВП на душу населения, рассчитанный Всемирным банком по паритету покупательной способности, представлен в «текущих международных долларах» на соответствующий период (2013 год).

^{b)} Уровень неформальной занятости в отраслях, не относящихся к сельскому хозяйству. Характер неформальной занятости в рассматриваемых странах разный! Например, в Китае неформальная занятость сопровождается отсутствием трудовых контрактов и социального страхования, приходясь преимущественно на городское население. Данные по Китаю до 2005 г. относятся к городским занятым, являющимся резидентами (среди мигрантов в городах эта цифра достигала 84% в 2005 г.). Поскольку подавляющая часть из них работает в отраслях, не относящихся к сельскому хозяйству, то «завор» в оценках оказывается не очень большим². Данные по Индии (2009/2010 г.), Бразилии (2009 г.), России и Китаю (за 2010 г.) получены на основе статистики МОТ³. Данные за другие годы взяты из публикации зарубежных коллег⁴. Стоит отметить, что органы официальной российской статистики не собирают данные по доле неформально занятых. Обычно демонстрируются данные по занятым в неформальном секторе, которые в 2010 г. составили в России 12,1%⁵.

^{c)} Коэффициент естественного прироста на 1000 жителей. Эффект миграции исключен⁶.

^{d)} Коэффициент социальной нагрузки отражает отношение доли населения экономически неактивных возрастов (моложе 15 и старше 64 лет) к доле рабочей силы (в возрасте от 15 до 64 лет). Например, в 2013 г. коэффициент социальной нагрузки в Китае составил 36,8%, то есть на 100 чел. работоспособного возраста приходилось около 37 чел. (как пожилых людей, так и детей), которым необходима была социальная поддержка.

¹ Charnes J. The informal economy worldwide: trends and characteristics. *Margin: The Journal of Applied Economic Research*, 6(2), 103–132. 2012.

² Cai F., Du Y., Wang M. Employment and Inequality Outcomes in China, Paper presented at the OECD Seminar on “Employment and Inequality Outcomes: New Evidence, Links and Policy Responses in Brazil, China and India”, April 2009 – Paris: OECD. 2009.

³ Statistical update on employment in the informal economy. – Geneva: ILO Department of Statistics. 2012.

⁴ Jutting J., Laiglesia J.R. Is informal normal?: towards more and better jobs in developing countries. – Paris. 2012.

⁵ Капельников Р.И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? *Препринты. Серия WP3 «Проблемы рынка труда»*(4). 2012.

⁶ См. подробно: World Population Prospects: The 2012 Revision, Highlights and Advance Tables. ESA/P/WP.228. – New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2013. http://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf

ционно выступает на соответствующем этапе модернизационных преобразований зоной повышенных рисков бедности.

Очень близка по показателям уровня экономического развития (хотя и не темпам роста) к Китаю ЮАР. Однако в ЮАР минимальная из всех остальных стран БРИКС занятость в аграрном секторе экономики (4,6%), к тому же втрое сократившаяся за период с 2000 г. на фоне куда менее значительного роста доли городского населения и сохраняющегося проживания 37,1% населения в сельской местности. Это означает огромную безработицу и очень глубокую бедность в селах, усугубляемую максимальными для всех стран БРИКС показателями социальной нагрузки (которая в странах, не завершивших второй демографический переход, обычно связана с несовершеннолетними детьми). Таким образом, для ЮАР характерна очень глубокая массовая сельская бедность.

Наконец, **Индия** характеризуется минимальными показателями экономического развития при сравнительно высоких темпах экономического роста, максимальной из всех стран БРИКС долей сельского населения, очень высокими показателями занятости в сельском хозяйстве (однако заметно уступающими доле сельского населения в составе населения страны в целом), максимальным уровнем неформальной занятости в отраслях, не относящихся к сельскому хозяйству, и максимальным естественным приростом, а также высокими показателями социальной нагрузки, означающей в этих условиях в основном нагрузку детьми. Все это свидетельствует не только о том, что Индия характеризуется наименьшим из всех стран БРИКС продвижением по пути урбанизации и индустриализации, причем продвижение это идет достаточно медленно (в отличие от Китая доля городского населения выросла в ней за период с 1990 г. лишь на четверть). Кроме того, достигающий 14,5% естественный прирост населения, несмотря на сокращение его в полтора раза за последние четверть века, говорит не просто о незавершенности в ней второго демографического перехода, но и об очень значительном ее отставании в этом отношении от ЮАР, демонстрировавшей в 1990 г. практически одинаковые с Индией показатели прироста населения, но сумевшей сократить этот показатель с тех пор более чем втрое. Все это означает, с одной стороны, неизбежность очень масштабной и глубокой сельской бедности, а с другой – наличие огромного числа мигрантов из сельской местности в городах, либо полностью безработных, либо имеющих неформальную занятость, доходы от которой в большинстве случаев очень низки.

Таким образом, бедность в этих странах существует в принципиально разной институциональной среде, что связано с разной степенью продвижения их по пути модернизационных преобразований. Этот вывод подтверждают и данные, характеризующие «историю вопроса».

Так, в Китае сейчас происходит бурное развитие малых городов, аккумулирующих потоки мигрантов из деревень в условиях ограниченных

возможностей миграции в крупные города, где жестко действует институт ограничения прописки¹. В отличие от Китая, в Бразилии практически неконтролировавшийся процесс урбанизации уже подошел к «точке своего насыщения» (темпы прироста городского населения за последние 30 лет снизились почти в 3 раза), но за минувшие десятилетия он буквально «обрушил» на пригороды крупных городов лавины сельского населения. В итоге доля горожан оказалась там сегодня даже выше, чем в Германии и Великобритании. Эта масса переселившихся в города людей плохо адаптируется в новой для себя среде и массово либо уходит во вторичный сектор городской занятости, либо пополняет ряды безработных². Индия, как уже говорилось выше, вообще в основном еще сельская страна с полунатуральным сельским хозяйством. Что же касается ЮАР, то на фоне устойчивого экономического роста последних 20 лет эта страна до сих пор сохраняет все особенности, характерные для африканской модели развития, т.е. очень высокий уровень безработицы и сельской бедности³, особенно среди молодежи⁴, на фоне разнообразных форм расового неравенства.

Таков тот экономический и социально-демографический фон, на котором должна рассматриваться ситуация с бедностью и неравенством в этих странах. И уже один только этот фон говорит о том, что *для анализа бедности в странах, находящихся на различных этапах исторического развития, необходимо использовать разные варианты как концептуализации феномена бедности, так и методик выделения бедных*. При этом для некоторых стран, например России, находящихся как бы «на стыке» разных исторических этапов развития (индустриального и позднеиндустриального, что в целом соответствует понятиям «развивающихся» и «развитых» стран), целесообразно применять одновременно разные методики выделения бедных (разные «линии бедности»), отражающие способы концептуализации бедности как в развитых, так и в развивающихся странах. Для стран же, переживающих либо этап индустриализации и урбанизации (как другие страны БРИКС), либо позднеиндустриальный этап развития, достаточно использовать один какой-то основной подход.

Так, применительно к развитым странам речь идет обычно об относительной бедности, т.е. как бедные в них рассматриваются те, кто находится в относительно неблагоприятном положении по обеспеченности

¹ Bai X. Urban transition in China: Trends, consequences and policy implications. In G. Martin, G. McGranahan, M. Montgomery & R. Fernández-Castilla (Eds.), *The New Global Frontier: Urbanization, Poverty and Environment in the 21st Century* London: Earthscan. 2008, pp. 339–356.

² Klein H.S., Luna F.V. *Brazil since 1980*: New York: Cambridge University Press. 2006.

³ O'Laughlin B., Bernstein H., Cousins B., Peters P. Introduction: Agrarian change, rural poverty and land reform in South Africa since 1994. *Journal of Agrarian Change*, 13(1), 1–15. 2013.

⁴ Schöer V., Rankin N., Roberts G. Accessing the first job in a slack labour market: Job matching in South Africa. *Journal of International Development*, 26(1), 1–22. 2014.

их ресурсами, распространенности среди них лишений и располагаемым возможностям относительно большинства членов данного общества. Соответственно, для выделения бедных используется обычно сравнение их доходов с медианой доходного распределения или распространенностью среди них лишений, нехарактерных для основной массы членов данного общества. В развивающихся же странах бедность трактуется обычно через призму так называемой абсолютной бедности и бедными считаются те, чей доход ниже прожиточного минимума («черты бедности»), который должен обеспечить элементарное выживание человека. При этом при расчете национальной черты бедности правительством каждой развивающейся страны учитываются, естественно, характерные для нее климатические условия, культурные традиции и т.д.

Что же касается неравенств, то на их глубине и особенностях их проявления и распространённости в обществе сказываются как объективные (уровень и модель экономического развития, исторические традиции и т.д.), так и культурно-цивилизационные особенности конкретной страны¹. Впрочем, к теме неравенств в странах БРИКС мы еще вернемся во второй части данной работы. Пока же посмотрим, в чем заключается специфика бедности в зависимости от того, какой именно этап модернизационных преобразований проходит общество. Решению этой задачи может помочь, на наш взгляд, предлагаемая нами ниже *классификации типов бедности, встречающихся в современном мире*².

Прединдустриальная бедность в современных обществах. Тип бедности, с которым человечество столкнулось раньше всего – преиндустриальная бедность, спутник докапиталистического этапа развития общества. Она связана с низкой эффективностью сельскохозяйственного производства, в значительной части носящего натуральный или полунатуральный характер. Характерны для нее и низкая производительность труда, сильная зависимость от геоклиматических условий, очень низкий и нестабильный уровень доходов сельских жителей, избыточность сельского населения, несмотря на повышенный уровень детской смертности и т.д.

Если говорить о роли государства в борьбе с бедностью этого типа, то она обычно ограничивается минимальной помощью беднейшим с учётом необходимости обеспечения их простого физического выжива-

¹ В этой связи нельзя не отметить, что, несмотря на близость России по базовым показателям социально-экономического развития скорее к развитым, чем к развивающимся странам, неравенства в ней (в том числе – и отражающиеся в коэффициентах Джини, фондов или распределении национального дохода по 20%-ным группам населения) очень велики, а бедность интерпретируется на государственном уровне также, как в заметно отстающих от неё развивающихся странах – т.е. через категории абсолютной бедности.

² Более подробно с моделями бедности, включая бедность среднего класса постиндустриальных экономик, которая в данной работе не рассматривается, можно ознакомиться в более ранней публикации авторов Тихонова Н.Е., Аникин В.А. Бедность в России на фоне других стран // Мир России: Социология, этнология. 2014. № 4 (23), 59–95.

ния. Более того – иной уровень поддержки при ней нецелесообразен не только из-за финансовых ограничений при массовости этого типа бедности в условиях её доминирования по отношению к остальным типам бедности, но и потому, главное, что в бедных аграрных обществах такой уровень жизни характеризует повседневную реальность большинства их членов, являясь своего рода стандартом уровня жизни населения. Так, например, в Индии, где этот тип бедности представлен из рассматриваемых стран наиболее широко, черта бедности соответствует с 1978 г. денежному эквиваленту 650 грамм зерна в сутки¹ – именно такое количество пищи обеспечивает, по расчетам индийских специалистов, около 2000 калорий, т.е. не позволяет человеку умереть от истощения. При такой национальной линии бедности уровень последней составлял в Индии 29,8% в 2009–10 и 21,9% в 2011–12 гг.²

Естественно, что с точки зрения стандартов жизни в более развитых странах этот показатель доли бедных в Индии выглядит весьма дискуссионным. Сильно заниженным он выглядит даже в сравнении с результатами, полученными при применении методики измерения бедности, разработанной группой ученых по исследованию бедности и человеческого развития из Оксфордского университета. Эта методика специально ориентирована на анализ бедности в наиболее отсталых развивающихся странах и основана на депривационном подходе к бедности, в соответствии с которым бедных выделяют на основе испытываемых ими лишений. На основе этих лишений и рассчитывается Многомерный индекс бедности³.

В настоящее время эта методика все шире используется международными организациями в своих статистических обзорах, хотя применимость ее для наиболее продвинутых развивающихся стран вызывает

¹ Planning Commission. The Fifth Five Year Plan (1978–83). – Islamabad: Government of Pakistan. 1978.

² Так называемая методология Тендулкара применялась в Индии до 2014 года. См. подробно: Planning Commission. Press Note on Poverty Estimates, 2011–12. – Dehli: Government of India. 2013. В 2014 году Комиссия по планированию назначила новую экспертную группу во главе с Ранджараджаном для пересмотра прежней методологии оценки бедности. По новой методологии, существенно опирающейся на идеи нобелевского лауреата Ангуса Дитона и относительное понимание бедности, оценки бедности в Индии были существенно скорректированы с худшую сторону. Так, в 2011–12 годах бедность в Индии уже оценивалась на уровне 29,5%, а в 2009–2010 гг. – аж в 38,2%.

³ В расчет индекса MPI входит 10 индикаторов, объединенных в три большие группы: образование, здоровье, стандарты жизни. Наиболее крупная группа индикаторов – «стандарты жизни» – включает в себя такие виды депривации как отсутствие электричества, отсутствие доступа к чистой питьевой воде, земляной пол в жилище, использование навоза, дерева или угля для приготовления пищи, наличие в собственности не более одного предмета из следующего их набора: радио, телевизор, телефон, велосипед, мотоцикл, холодильник. Согласно Оксфордской методике, люди, которые находятся «на грани бедности», испытывают депривацию по 20–33% из 10 индикаторов, в то время как испытывающие «тяжелую бедность» депривированы по 50% и более индикаторам. Соответственно те, кто депривирован более чем по трети, но менее чем по половине индикаторов, рассматриваются как бедные.

большие сомнения. И хотя для беднейших стран она действительно обеспечивает возможность более корректных международных сопоставлений, чем данные статистики, основанные на национальных показателях черты бедности (так, как видно из табл. 2, показатель многомерной бедности МРІ для Индии в 2005 г. составлял 53,7%, что почти в полтора раза выше официального значения уровня бедности в Индии в соответствии с ее национальной чертой бедности), однако при включении в сравнение стран, находящихся на другом этапе исторического развития (типа России, находящейся к тому же в иной климатической зоне и характеризующейся другими культурными традициями), этот индекс теряет всякий смысл. Фактически он позволяет измерить лишь распространенность глубокой бедности преиндустриального типа, которая в России хотя и присутствует, но распространена сравнительно мало (в то же время не стоит забывать, что каждый процент российского населения – это около 1,5 млн. человек, и, следовательно, сегодня в России около 2 млн. человек находятся в бедности этого типа)¹.

Если говорить о путях ликвидации бедности этого типа, то стратегически избавление от нее предполагает ускорение экономического развития, завершение процессов индустриализации и урбанизации, утверждение высокоэффективного современного сельскохозяйственного производства, в том числе – и подготовку для него кадров, а также переход к регулируемой рождаемости. Тактически же наиболее эффективным способом борьбы с преиндустриальной бедностью выступает распространение в сельской местности системы производственного обучения молодежи по требующимся не только в селах, но и в городах специальностям с последующей организованной миграцией части сельской молодежи в города.

Борьба с массовой сельской бедностью преиндустриального типа достаточно сложна и отнюдь не сводится к проблеме поиска финансирования мер социальной защиты и другим организационно-управленческим мерам. И хотя в России, в отличие от других стран БРИКС, бедность такого типа распространена мало, это не значит, что проблема преиндустриальной бедности не сможет актуализироваться в будущем с учетом разницы моделей демографического воспроизводства в различных регионах страны в силу различий в темпах продвижения их по пути модернизационных преобразований. И не случайно, хотя предпосылки массового

¹ Хотя общее число бедных за период, прошедший с момента приведенного в таблице 2 расчета этого индекса для России, сократилось в полтора раза, однако, как показывают данные панельных исследований (см.: Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов// *Общественные науки и современность* (1), 36–49. 2014), именно беднейшей части населения это сокращение практически не коснулось – из бедности выходили в основном ситуационные бедные, чья бедность была не очень глубока. Это позволяет считать, что общая доля представителей глубокой бедности к настоящему моменту в России практически не изменилась.

Таблица 2

**Многомерный индекс бедности (MPI) и официальный уровень бедности
в странах БРИКС**

Страна	Опрос	Год	Доля бедных, в т.ч.:			
			По национальной линии бедности	Находящихся «на грани бедности» по MPI	Бедных по MPI	Находящихся в «тяжелой бедности» по MPI
Индия	<i>DHS</i> ^{a)}	2005	37,2	16,4	53,7	28,6
Китай	<i>WHS</i> ^{b)}	2003	2,4	6,3	12,5	4,5
Бразилия	<i>PND</i> ^{c)}	2006	26,8	7,0	2,7	0,2
Россия	<i>WHS</i> ^{b)}	2003	20,3 ^{d)}	0,8	1,3	0,2
ЮАР	<i>LCS</i> ^{e)}	2008/ 2009	26,3	22,2	13,4	2,4

Справочно: по последним данным международной статистики (United Nations, 2014)

Страна	Население с доходами ниже черты бедности (\$ 1,25 в день по ППС)	Доля населения с доходами ниже национальной черты бедности	Год
Индия	32,7	21,9	2010, 2012
Китай	13,1	2,8	2002
Бразилия	6,1	9,0	2009, 2012
Россия	0	11,0	2013
ЮАР	10,7	23,0	2006

Источник: Global Multidimensional Poverty Index Databank. University of Oxford, Oxford Poverty and Human Development Initiative, 2014. <http://www.dataforall.org/dashboard/ophi/index.php>; Multidimensional Poverty Index. Table 5, 2014 <https://data.undp.org/dataset/Table-5-Multidimensional-Poverty-Index/7p2z-5b33>; Human development report. The rise of the South: Human progress in a diverse world. – New York: United Nations Development Programme. 2013

Примечания:

^{a)} Исследование Demographic and Health Surveys (Обследования демографической ситуации и здоровья). Подробнее см.: <http://www.measuredhs.com/What-We-Do/Survey-Types/DHS.cfm>.

^{b)} Исследование World Health Survey (Международное исследование здоровья). Подробнее см.: <http://www.who.int/healthinfo/survey/en/index.html>.

^{c)} Исследование Pesquisa Demografia e Saúde da Mulher e da Criança (Национальное обследование демографической ситуации и здоровья детей и женщин). Подробнее см.: <http://bvsms.saude.gov.br/bvs/pnds/index.php>.

^{d)} Данные по России обновлены по реестру государственной статистики. См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm

^{e)} Исследование Living Conditions Survey (Обследование условий жизни) Подробнее см.: <https://www.datafirst.uct.ac.za/dataportal/index.php/catalog/231>. Имеется в виду линия бедности, определяемая по расходам, скорректированным на питание и траты на жилье. Подробнее см.: Poverty Profile of South Africa: Application of the poverty lines on the LCS 2008/2009. Pretoria: Statistics South Africa, 2012.

распространения этого типа бедности в России были ликвидированы в ходе индустриализации еще в 30–50-е годы прошлого века, но локализация ее в определенных регионах сильно затрудняет возможности кардинального решения проблемы преиндустриальной бедности в России. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе, например, сельское на-

селение составляло на 1 января 2010 г. 51,1%, и именно в этом округе показатели бедности особенно велики¹. Более того – согласно данным ФСГС, эта картина даже к 2031 г. претерпит лишь очень незначительные изменения, и общая численность сельского населения к этому моменту составит в России 22,6%², что очень много для индустриально развитой страны. Избыточность же сельского населения ведет не только к массовой маятниковой трудовой миграции из сельской местности в города, что при состоянии российской транспортной системы само по себе является серьезной проблемой, но отражается также на уровне безработицы и, соответственно, уровне зарплат на селе.

Особо следует подчеркнуть, впрочем, что, хотя классический вариант преиндустриальной сельской бедности сегодня еще можно встретить на Северном Кавказе и в других регионах страны со значительной долей сельского населения, высокой рождаемостью и значительной ролью натурального хозяйства в доходах домохозяйств (хотя и в них далеко не вся сельская бедность относится к преиндустриальному ее типу), не она является сегодня наиболее типичной для российской сельской бедности в целом. Наиболее характерными являются для нее другие типы сельской бедности – бедность умирающих сельских поселений, уже не кормящихся «с земли», а также бедность маргинализирующихся и утративших связь с землей жителей относительно благополучных сельских поселений. Такова, например, в значительной степени сельская бедность Нечерноземья или Северо-Западного региона страны. Судя по данным общероссийского исследования Института социологии РАН «Бедность и бедные в современной России», апрель 2013³, 99% выделенных на основе абсолютного подхода сельских бедных (без учета регионов Северного Кавказа) не имели вообще никакой земли, включая приусадебные участки, и 87% не имели никакого скота. При этом среди тех бедных сельских домохозяйств, в которых кто-либо из взрослых не имел постоянной работы, эти показатели были еще выше – 100 и 95%. Таким образом, российские сельские бедные в своем большинстве уже не заняты в натуральном хозяйстве, что кардинально отличает ситуацию с ними от картины сельской бедности в Индии или Китае.

Впрочем, все разновидности сельской бедности связаны, в конечном счете, с технологической отсталостью сельского хозяйства определенных территорий, с одной стороны, и отсутствием достаточного спроса

¹ Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. Федеральная служба государственной статистики РФ http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm (доступ проверен 9.12.2015)

² Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Федеральная служба государственной статистики РФ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat_ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (доступ проверен 9.12.2015).

³ Бедность и бедные в современной России./ Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир. 2014.

на местную рабочую силу соответствующего качества на локальных рынках труда – с другой. И в этом смысле сельская бедность в России по сути своей похожа на сельскую бедность любой страны с незавершёнными процессами урбанизации, наличием в сёлах избыточного населения трудоспособного возраста с низким качеством человеческого капитала и высокой долей незанятого или частично (сезонно, временно и т.д.) занятого населения. Однако она имеет и свою качественную специфику по отношению, например, к сельской бедности в других странах БРИКС, где натуральное хозяйство всё ещё играет в жизни сельских жителей гораздо большую роль, чем в России, а доля сельских жителей (и сельской бедности) намного выше.

Раннеиндустриальная бедность люмпенизированных городских низов. В классическом варианте, известном еще из истории развитых европейских стран XVIII–XIX веков, этот тип бедности возникает как *следствие неконтролируемой, стихийной и массовой миграции сельского населения в города из перенаселенной сельской местности в ходе первого демографического перехода, возникновения рынка труда и зарождения промышленного производства*. Особенно тяжелые последствия этот процесс имеет в случае, если в обществе отсутствуют институты (например, институт прописки), которые регламентировали бы приток переселенцев в города.

Этот тип бедности наиболее ярко просматривается сегодня из анализируемых стран на примере Бразилии, хотя со своими особенностями. Так, в Бразилии массовый отток населения из деревень в города за последние 30 лет произошел не по причине развития индустриального сектора в городской местности, как это происходило в Европе, СССР и Китае, а из-за активной технологической и институциональной¹ модернизации сельскохозяйственного производства, которая пришлось на вторую половину XX века. Сегодня аграрный сектор Бразилии, представленный крупным агробизнесом, является высокотехнологичным производством, для обслуживания которого требуется лишь немногочисленная, но квалифицированная рабочая сила.

Оборотной стороной модернизации агробизнеса стало образование особого типа городских агломераций, характеризующихся хаотичным и стихийным заселением пригородов крупных мегаполисов – так называемые *favelas*. Несмотря на то, что такой тип жилья впервые возник в Бразилии еще в 1890-х годах, массовое распространение этой застройки стало нормой лишь во второй половине XX века. Оно явилось своеобразным ответом бразильского общества на процесс модернизации сель-

¹ Имеется в виду инициированная в 1960-х годах в Бразилии всесторонняя государственная поддержка сельского хозяйства – субсидирование кредитов, покупка и регулирование излишка сельхозпродукции и т.д.

ского хозяйства в условиях отсутствия роста спроса на рабочую силу в городах.

Основная причина воспроизводства бедности люмпенизированных городских низов кроется в дефиците рабочих мест для низкоквалифицированной рабочей силы. Низкий спрос на нее, с одной стороны, приводит к очень низким заработным платам в этом сегменте рынка труда и распространению различных форм нестандартной и неформальной занятости, а с другой, что еще важнее, – к очень высоким показателям безработицы. Так, в Бразилии, например, низшие 20% населения страны фактически полностью исключены из создания национального дохода, и основная их часть проживает именно в городах. Естественно, что как особенности занятости, так и массовая безработица ведут к маргинализации мигрантов из сельской местности и формированию на их основе массового «городского дна». То есть экономическая основа бедности «новых горожан» – несоответствие уровней спроса и предложения на рабочую силу соответствующего уровня квалификации в городах и вытекающие из этого массовая безработица и крайне низкая заработная плата даже в случае нахождения работы.

Для России этот тип бедности пока нехарактерен, хотя процесс формирования на селе избыточного населения идет в ней, особенно на Кавказе, довольно активно, и часть этого избыточного населения переезжает в города Центральной России, в том числе и Москву. Однако, хотя в России, как и в Китае, основную массу мигрантов из сельской местности принимают на себя малые города с их итак непростой ситуацией на локальных рынках труда¹, приток мигрантов из сельской местности в крупные и средние города не стоит недооценивать – среди лиц трудоспособного возраста каждый пятый бедный житель российских городов с численностью населения свыше 100 тысяч человек вырос в деревне.

Особо надо сказать в связи с проблемой городской бедности и о формировании в России люмпенизированного «городского дна», характеризующегося одновременно глубокой бедностью и падением экономической активности. Так, судя по данным уже упоминавшегося исследования Института социологии РАН 2013г., почти каждый десятый бедный трудоспособного возраста даже в городах-миллионниках с их

¹ Одновременно идет отток части люмпенизированных городских бедных в села, что дополнительно усложняет ситуацию в них. Отчасти в этой миграции участвуют маргинализированные слои городского населения, теряющие свое жилье в результате квартирных махинаций, причем масштабы этой миграции не стоит недооценивать – только 42% российских бедных, проживающих в селах, выросли в селах же, а 29% выросли в городах с численностью населения свыше 100 тыс. человек, в том числе 11% – в городах-миллионниках, где жилье наиболее дорого и представляет поэтому для мошенников особый интерес. Отчасти же в этой миграции участвуют выходцы из сельской местности, переселившиеся ранее в города, но «не нашедшие своего места» в них и возвращающиеся, особенно к старости, на «малую Родину». См. подробно: Бедность и бедные в современной России. / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир. 2014.

развитым и трудодефицитным рынком труда не работает без видимых оснований для незанятости (т.е. не находясь при этом на пенсии, в декретном отпуске, не будучи студентом и т.д.).

Все это заставляет говорить о возможности актуализации в российском обществе проблемы городской бедности раннеиндустриального типа. Такая ситуация тем более опасна, что в странах с широким распространением этого типа бедности относительно быстрее растут преступность и прочие формы социальной девиации (наркомания, алкоголизм и т.п.).

Корни раннеиндустриальной бедности – *вне рынка труда, это бедность «лишних людей», оказавшихся ненужными даже как объект эксплуатации.* При этом в силу их плохой социализации в современной культуре и низкой квалификации их очень сложно включить в рынок труда, по крайней мере так, чтобы вопрос их бедности был тем самым снят. Им можно только оказывать гуманитарную помощь и пытаться социализировать и обучать детей и молодежь из их числа, чтобы они могли со временем занять более благоприятные позиции в обществе. При этом размер помощи такого типа бедным зависит, во-первых, от возможностей общества и уровня его социально-экономического развития, а во-вторых – от особенностей его национальной культуры, в частности распространённости в ней ценностей солидарности.

Именно от этого обычно и отталкиваются в странах с доминированием этого типа бедности при установлении прожиточного минимума. И именно поэтому, а не только из-за разных климатических условий, прожиточный минимум в них всегда очень различается по наполнению и размеру. Поэтому в странах с доминированием раннеиндустриальной бедности (как и прединдустриальной) для выделения бедных используется абсолютный подход к бедности, т.е. «черта бедности» задается на основе расчетов экспертов, формирующих некий набор благ, соответствующий представлениям о прожиточном минимуме в данной конкретной стране.

Индустриальная бедность – основной тип структурной российской бедности. *Индустриальная бедность обусловлена избыточным предложением на рынке труда низко- и среднеквалифицированной рабочей силы. Отсюда вытекают низкие зарплаты этой части рабочей силы независимо от того, относятся ли её обладатели к представителям физического (разнорабочие) или нефизического (торговля и т.п.) труда.* При этом часть соответствующего типа работников с учётом их зарплаты заранее обречена на бедность, а другие оказываются в бедности при малейшем ухудшении их семейной ситуации и росте иждивенческой нагрузки (рождение ребенка, особенно второго, потеря работы супругом или развод, болезнь кого-то из членов семьи и т.д.).

Индустриальная бедность хорошо описана в романах многих западноевропейских писателей второй половины XIX – начала XX века. Это «бедность эксплуатируемого труда», когда соотношение спроса и предложения на определенных сегментах рынка труда складывается особенно неблагоприятно для работников. Поскольку экономической причиной этого типа бедности является специфика взаимоотношений капитала и рабочей силы в каждый конкретный исторический момент и в конкретной точке пространства, *такой тип бедности характерен прежде всего для занятой части населения¹, в том числе – и для имеющих полную формальную занятость.* При этом с точки зрения сущности этого типа бедности не так важно кто именно «недоплачивает» работнику – конкретный капиталист или государство. В любом случае *индустриальная бедность тем выше, чем больше у работодателей власти на рынке труда и чем слабее переговорные позиции работников.*

Этот тип бедности также обычно измеряется и анализируется с точки зрения абсолютного подхода к ней, хотя *прожиточный минимум в странах с доминированием этого типа структурной бедности задается уже исходя не из задачи обеспечения элементарного физического выживания человека, а с учетом необходимости сохранения его как работника и обеспечения межпоколенческого воспроизводства достаточно квалифицированной рабочей силы.* Именно поэтому в так называемых развитых странах минимальная заработная плата давно соответствует обычно не менее чем 1,5 прожиточным минимумам – как это и рекомендовано МОТ. Впрочем, для них период безусловного господства этого типа бедности – уже прошедший этап.

Все страны БРИКС, хотя и в разной степени, являются примерами распространённости этого типа бедности. Так, например, в Китае риск бедности характерен прежде всего для тех профессиональных групп из числа городских жителей, которые образовались в ходе активной индустриализации и последовавшей за ней урбанизации Китая в последние десятилетия, т.е. для огромной армии рабочих низкой и средней квалификации, приезжающих в города для работы в первую очередь на предприятиях индустриального сектора² (наподобие того, что происходило в странах Западной Европы в начале и середине XIX века).

¹ Хотя в положении бедных оказываются, разумеется, при этом и другие члены их домохозяйств.

² О роли изменений в структуре собственности и в структуре промышленности в трансформации классовой структуры Китая см.: Li P. Changes in China's Social Stratification Since 1978. In P. Li, M.K. Gorshkov, C. Scaloni & K.L. Sharma (Eds.), *Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries: Change and Perspective*. London: World Scientific Publishing Company. 2013; Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. / Под ред. М.К. Горшков, З.Т. Голенкова, Л. Пэйлин. – М.: Новый хронограф. 2012.

Общее число трудящихся-мигрантов в китайских городах составляло в 2012 г. 262,61 млн. чел.¹. При этом в массе своей, несмотря на занятость, они оказывались в составе бедного населения, поскольку почасовые ставки мигрантов из сельской местности в Китае гораздо ниже, чем у горожан, и, хотя они трудятся в среднем большее число часов, это не спасает их от бедности². Бедность мигрантов в Китае характеризуется также ограничениями в области доступа к улучшенным условиям проживания, бесплатному образованию для детей и к программам социального обеспечения, поскольку у них существуют трудности с получением локального hukou – аналога российской «прописки»³.

Конкуренция за позиции низко- и среднеквалифицированной рабочей силы, характерная для всех стран, переживавших или переживающих индустриальный этап развития, существует и в современной России. Причем это происходит даже несмотря на то, что рассчитанных на рабочую силу такого качества рабочих мест в ней становится всё больше (табл. 3). Однако, в отличие от других стран БРИКС, в России одновременно с ростом числа этих позиций сокращается доля рабочих мест квалифицированного труда в индустриальном секторе. В итоге рост позиций низко- и среднеквалифицированного труда обеспечивается в ней в последние годы за счет рабочих мест, предполагающих нефизический труд, прежде всего – занятость на простых позициях в торговле и сфере бытового обслуживания.

Тем не менее, даже несмотря на рост числа самих позиций низко- и среднеквалифицированного труда, конкуренция за занятость на них в России относительно высока, поскольку, с одной стороны, на них претендуют мигранты из других стран, в том числе – постсоветских, а с другой – на них же вынуждена претендовать и часть квалифицированного российского населения, в том числе – квалифицированных рабочих, лишенная возможности найти для себя работу по старому профилю деятельности и готовая пойти на резкое падение своего статуса вплоть до смены классовой принадлежности (стоит отметить в этой связи, впрочем, что часть россиян предпочитает в этой ситуации

¹ Согласно статистике, городское население Китая растет примерно на 21 млн. человек в год, хотя занятое население городов увеличивается ежегодно лишь на 12,66 млн. человек. Таким образом, в большинстве своем приезжие оказываются всё-таки в числе работающих, хотя около 40% вновь прибывшего городского населения не вовлечены в производственный процесс (см. подробно: Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2012 National Economic and Social Development. National Bureau of Statistics of China, February 22, 2013 http://www.stats.gov.cn/english/newsevents/201302/t20130222_26962.html (доступ проверен 9.12.2015)). Отчасти это семьи трудящихся-мигрантов, которые находятся у них на иждивении, а отчасти – представители прединдустриальной городской бедности, о которой уже говорилось выше как о бедности «лишних людей», не представляющих интереса даже как объект эксплуатации.

² Park A., Wang D. Migration and urban poverty and inequality in China. *China Economic Journal*, 3(1), 49–67. 2010.

³ Goh C., Luo X., Zhu N. Income growth, inequality and poverty reduction: a case study of eight provinces in China. *China Economic Review*, 20(3), 485–496. 2009.

Таблица 3

Динамика численности укрупненных профессиональных групп (ISCO-88) по населению России в целом в 1994–2012 гг., % от работающих

Укрупнённые профессиональные группы	1994	2000	2005	2012
Высококвалифицированные «белые воротнички» (0, 1, 2 классы по ISCO-88)	18,8	18,2	17,1	18,9
«Белые воротнички» средней и низкой квалификации (3, 4 классы)	20,3	22,1	23,9	26,6
Занятые на простых позициях в торговле и бытовом обслуживании (5 класс)	8,2	10,3	10,7	11,7
Квалифицированные рабочие (6,7,8 класс)	38,2	35,6	33,7	27,5
Неквалифицированные рабочие (9 класс) ¹	14,5	13,8	14,6	15,4

Источник: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ). Его базы представлены как в репрезентирующей население страны за каждый год версии, так и в более полной версии панели респондентов за весь период наблюдений. В таблице данные приведены по репрезентативным базам РМЭЗ.

Примечание: Расчёты численности групп проводились В.А. Аникиным в соответствии с разработанной им методикой кодировки профессиональных статусов по ISCO-88, учитывающей особенности российских условий. См. подробно: Аникин В.А. Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции. В кн.: Профессиональные группы: динамика и трансформация / Под ред. Мансурова В.А. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009; Аникин В.А. Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны. *Terra Economicus*, 11(2). 2013.

Светло-серый фон в таблице использован для показателей по группам с тенденцией устойчивого и значительного роста их численности, темно-серый – сокращения.

«уход в незанятость» даже с угрозой обеднения). В итоге этой конкуренции зарплаты на такого типа рабочих местах очень низкие, и именно работники средне- и низкоквалифицированного труда независимо от физического или нефизического характера их труда попадают сегодня в России в бедность в первую очередь (табл. 4).

Как видно из табл. 4, в составе работающих бедных в России очень высока доля низко- и среднеквалифицированной рабочей силы, в т.ч. рабочих, составляющих свыше половины всех работающих бедных, а также наименее квалифицированных работников нефизического труда. В небедных слоях российского населения доля этих профессиональных групп заметно меньше. При этом, впрочем, если для низкоквалифицированных работников нефизического труда вероятность оказаться в бедности «по доходам» заметно выше, чем для россиян в целом, но все же менее половины, то неквалифицированные рабочие уже в большинстве

¹ Примерно половину этой группы в России составляют представители элементарных форм занятости неиндустриального и несельскохозяйственного труда – уборщицы, гардеробщицы, дворники, грузчики, уличные торговцы и т.п.

Таблица 4

**Профессионально-должностные позиции, на которых работают
бедные «по доходам» и небедное население, 2012, % от их
работающих представителей**

Профессионально-должностные позиции	Бедные «по доходам»	Небедные
Руководители разного уровня, предприниматели, имеющие наемных работников (1 класс)	3	4
Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, профессионалы (2 класс)	8	16
Помощники специалистов, полупрофессионалы (3 класс)	16	20
Служащие (включая неофицерский состав силовых ведомств), офисные работники, работники из числа технического персонала (4 класс)	8	8
Рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг (продавец, парикмахер и т.д.), 5 класс	14	11
Квалифицированные рабочие (6, 7, 8 класс)	31	27
Неквалифицированные рабочие (9 класс)	20	14

Источник: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ), 2012 г.

Примечание: Жирным шрифтом и фоном выделены позиции, наиболее характерные для бедных, с одной стороны, и небедного населения – с другой. Расчёты авторов статьи.

случаев оказываются в числе бедных. Таким образом, «костяк» работающих бедных составляют сегодня в России те, кто традиционно относится к ним на индустриальном этапе развития.

Однако, в России есть, помимо деиндустриализации и сокращения числа профессиональных позиций высококвалифицированного труда, ещё одно очень существенное отличие в профиле и причинах бедности значительной части ее населения от ситуации в других странах, в т.ч. и странах БРИКС. Избыточное предложение низкоквалифицированной рабочей силы в ней очень активно подпитывается в последние годы миграцией из ряда бывших советских республик и других азиатских стран, в то время как в других странах БРИКС, как и в своё время в Европе, источником его является, прежде всего, миграция из сельской местности в города с одновременным резким сокращением доли сельского населения. Это избыточное предложение рабочей силы в итак чреватом повышенными рисками бедности сегменте рынка труда автоматически увеличивает относительное падение стоимости рабочей силы низкой и

даже средней квалификации и способствует усугублению консервации бедности работников, занятых на соответствующих рабочих местах.

С бедностью индустриального типа стратегически принято бороться за счёт стимулирования создания высокоэффективных рабочих мест методами инвестиционной и налоговой политики, развития общедоступных систем образования и получения квалификации. На опыте стран Западной Европы последних лет видно, что с тактической стороны хорошо зарекомендовали себя очень жёсткий контроль миграции извне, особенно – миграции неквалифицированной рабочей силы, детальная проработка трудового законодательства и усиление контроля за его соблюдением, а также установление обеспечивающей социально приемлемый образ жизни минимальной почасовой оплаты труда¹. К слову сказать, такого типа набор мер, успешно реализовывавшихся в так называемых развитых странах на соответствующем этапе их развития, преследовал, независимо от сопутствовавшей им политической риторики, отнюдь не гуманитарные цели, ассоциирующиеся с понятием «государств всеобщего благосостояния». Он формировал для экономики этих государств работников с хорошим качеством человеческого капитала (показателен в этом отношении опыт Австралии, Канады, США, до недавнего времени Великобритании), а также способствовал приращению социального капитала общества, обеспечивающего дополнительные возможности управленческого маневра для его элит. Все это обеспечило этим странам дополнительные, и очень серьезные, конкурентные преимущества на мировой арене и возможность иметь более высокие темпы экономического роста.

Позднеиндустриальная бедность. О бедности этого типа, с которой ассоциируется обычно понятие «новые бедные», активно заговорили на Западе с 70-х годов прошлого века, в связи с началом перехода от индустриального к постиндустриальному обществу и глобализацией мировой экономики.

Возникновение этого типа бедности было вызвано в развитых странах деиндустриализацией их экономик (точнее, сокращением индустриального сектора в развитых странах с одновременным выносом индустриальных производств из них в развивающиеся страны). В ходе этих процессов произошло сокращение числа рабочих мест, традиционно обеспечивавших принадлежность к среднему и рабочему классам, с одновременным ростом структурных позиций верхнего среднего и низшего классов, т.е. произошла поляризация классовой структуры общества. Одновременно резко обострилась конкуренция за эффективные рабочие места представителей квалифицированного труда. Это привело, с одной

¹ Распространённость среди бедных разного рода нестандартных форм занятости требует регулирования именно почасовой, а не помесечной оплаты труда.

стороны, к демпингу стоимости легко взаимозаменяемой, «родовой»¹ рабочей силы даже на рабочих местах профессионалов и углублению дифференциации внутри ранее куда более гомогенных профессиональных групп, а с другой – к «выталкиванию» наименее конкурентоспособной в силу разных причин части высококвалифицированных работников за пределы не только их старых профессиональных статусов, но подчас даже классов². В итоге многие ранее вполне благополучные представители среднего класса и особенно их дети, которым после получения ими образования не находилось работы³, оказались в числе «новых» бедных. «Новыми» их стали называть именно потому, что раньше люди с таким уровнем образования и классовой принадлежностью родителей в составе бедного населения сколько-нибудь массово не оказывались.

Таким образом, *экономическая основа этого типа бедности – структурные изменения в экономике и рост глобальной конкуренции за рабочие места, т.е. конкуренции в рамках международного рынка труда, что затрудняет возможность воздействия на её причины.* Это означает, что принципиальное отличие позднеиндустриального типа бедности от индустриальной бедности заключается в том, что, хотя *эта бедность также формируется с участием рынка труда, но это уже не столько локальный, сколько глобальный рынок труда, что затрудняет возможность воздействия на ее причины.* Кроме того, *путь к бедности в обществах, находящихся на этапе перехода от индустриального к постиндустриальному этапу развития, очень индивидуален, вероятностен, и ее наступление в каждом отдельном случае кажется во многом случайным* – ведь место жительства уже не предопределяет жестко попадания конкретного человека в бедность, как это происходит в живущей натуральным хозяйством крестьянской семье при прединдустриальной бедности, также как характер занятости не делает жизнь в бедности наиболее вероятной судьбой для работника низкой квалификации при доминировании индустриального типа бедности.

Общества на позднеиндустриальном этапе их развития обычно уже достаточно богаты для того, чтобы обеспечить своих бедных не только средствами для элементарного физического выживания, но и вполне сносным прожиточным минимумом, и на первый план в интерпретации проблемы бедности выходит уже не столько нехватка денежных

¹ Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint. In M. Castells (Ed.), *The network society. A cross-cultural perspective.* –Northampton: Edward Elgar. 2004; Standing G. *The precariat: The new dangerous class.* – London: A&C Black. 2011.

² Crettaz E. *Fighting Working Poverty in Post-industrial Economies: Causes, Trade-offs and Policy Solutions.* – Northampton: Edward Elgar Publishing. 2011.

³ Именно высокий уровень безработицы среди образованной молодежи является одной из наиболее характерных особенностей позднеиндустриальной бедности в развитых странах. См. подробнее: Leslie D., Drinkwater S., O’Leary N. Unemployment and earnings among Britain’s ethnic minorities: some signs for optimism. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 24(3), 489–506.1998.

средств, сколько сопутствующая бедности эксклюзия, т.е. выпадение из «мейнстрима», невозможность поддерживать стандарты жизни, принятые большинством. Соответственно, на смену логике анализа бедности через призму абсолютного подхода приходит депривационный подход к бедности, причем в признаках депривации постепенно все большую роль начинают играть нематериальные виды лишений, связанные, скорее, с доступом к ресурсам (вспомним в этой связи концепции А. Сена и П. Таунсенда, Оксфордский индекс бедности и т.д.).

Сократить позднеиндустриальную бедность посредством развития системы массового образования и подобных традиционных лифтов социальной мобильности практически невозможно. Основой государственной политики борьбы с бедностью в этих условиях стратегически выступают прежде всего меры, связанные с регулированием рынка труда и определенной инвестиционной и налоговой политикой. Тактически же для развитых стран, где процессы деиндустриализации исторически сопровождались активным ростом четвертичного сектора экономики, наиболее эффективным способом борьбы с бедностью такого типа были масштабные программы переквалификации рабочей силы с выплатой достаточно высоких пособий по безработице для предотвращения потери групповой идентичности в период поиска нового рабочего места¹. Одновременно сохранялась политика умеренных адресных пособий по нуждаемости для сохранения интегрированности бедных в общество, при этом адресность должна была предотвратить развитие иждивенческих настроений. Наконец, с годами все жестче становилась относительно мягкая в 1950–1960-х гг. миграционная политика.

Бедности позднеиндустриального типа в странах БРИКС практически нет (за исключением России), поскольку процессов деиндустриализации в них не наблюдается. В России же ситуация особая: как видно из статистических и социологических данных (в частности приведенных в таблице 3), процессы деиндустриализации в ней идут, но, в отличие от ситуации в развитых странах, они не сопровождаются развитием четвертичного сектора. Вместо этого растет занятость в третичном секторе, прежде всего в торговле, где велика доля низкооплачиваемых рабочих мест, особенно в теневой части отрасли.

Характерной особенностью этого типа бедности выступает в России и то, что основным работодателем для профессионалов выступает в нашей стране государство, которое, несмотря на повышение зарплат бюджетникам, оплачивает труд специалистов более скупно, чем частные организации. Так, согласно данным ФСГС РФ, разрыв в средних зарплатах специалистов составляет по этому показателю 1,6–1,8 раза, причем большая дифференциация зарплат наблюдается среди специалистов

¹ Crettaz E. Fighting Working Poverty in Post-industrial Economies: Causes, Trade-offs and Policy Solutions. – Northampton: Edward Elgar Publishing. 2011.

средней квалификации¹. В этих условиях не удивительно, что в составе бедных, в том числе и хронически бедных, в России оказывается весьма заметная часть населения с высоким образовательным уровнем, в том числе – даже профессионалов, которые, как никакая другая массовая профессиональная группа, характеризуются в нашей стране очень значительной внутригрупповой дифференциацией.

Отдельно стоит сказать в контексте проблемы позднеиндустриальной бедности в России и об обострении проблемы молодежной безработицы, являющейся характерной особенностью бедности этого типа. Хотя по данным ФСГС РФ незанятость молодежи имеет тенденцию к росту – доля неработающей молодежи выросла с 2005 по 2012 г. в группе 20–24 лет с 12,8% до 13,4%, но основная часть молодежной незанятости в России имеет все-таки иную природу, не относящуюся к развитию процессов деиндустриализации. Не случайно особенно велика молодёжная безработица в селах, где показатель ее доходил в 2012 г. даже до 17,4%. При этом особенно высоким был показатель незанятости среди молодежи в уже упоминавшемся нами в связи с проблемой сельской бедности Северо-Кавказском округе (достигая 15,6 % среди молодежи 15–19 лет в Чеченской республике при среднем показателе по России среди этой категории граждан в 4,8%), что говорит о том, что в России сегодня молодёжная безработица – это, в основном, безработица прединдустриального типа.

Особенности распределения неравенств в странах БРИКС. Если на бедность (доминирование того или иного ее типа, ее распространенность, глубину и т.д.) влияет прежде всего уровень экономического развития страны и этап ее исторического развития, то *на характер распределения неравенств большое влияние наряду с этими факторами оказывают также особенности ее культуры, в частности – особенности нормативно-ценностных систем.* Более того, на основе типов распределения в обществах неравенств при относительно близком уровне экономического развития сравниваемых стран можно получить много ценной «информации к размышлению» об очень существенных особенностях избранной ею модели социально-экономического развития. Применительно к нашей стране с этой точки зрения небезынтересно оказывается и то, «в какой компании» оказывается Россия в этом отношении.

Учитывая большую традицию анализа этой проблематики², мы не будем останавливаться на ней подробно, и постараемся ограничиться лишь

¹ О дифференциации заработной платы по профессиональным группам *Статистический бюллетень, № 06 (187).* – М.: Федеральная служба государственной статистики РФ. 2014.

² Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность. Препринты. Серия WP3 «Проблемы рынка труда» (3). 2014; Григорьев Л.М., Салмина А.А. «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения. Социологический журнал (3). 2013; Шевяков А.Ю. Снижение избыточного неравенства и бедности как фактор экономической динамики и роста инновационного потенциала России. Общество и экономика (11–12), 5–36. 2006.

теми сюжетами, которые позволяют продемонстрировать наш основной тезис о связи распределения неравенств в обществе с уровнем экономического развития, с одной стороны, и с типом культуры – с другой. Однако, прежде чем проводить общий анализ картины специфики распределения неравенств в России (т.е., по сути, пытаться классифицировать страны по типу распределения в них неравенств), продемонстрируем, как в целом выглядит ситуация в России в этой области на фоне других стран БРИКС (табл. 5). При этом стоит пояснить, что если динамика долей национального дохода, принадлежащего нижним 10 или 20%, говорит о тенденциях консервации или преодоления бедности, то индекс Джини – о степени неравномерности распределения доходов в обществе в целом, и, прежде всего, – в средних его слоях. Таким образом, в совокупности эти два показателя позволяют получить общее представление о ключевых особенностях динамики неравенств в определенной стране.

Как видно из табл. 5, для социальной структуры России на фоне других стран БРИКС характерна менее значительная, чем в Бразилии и ЮАР, степень социального расслоения, близкая к ситуации в Китае. Минимальны же показатели социального расслоения в Индии. Учитывая методику расчета коэффициента фондов и ситуацию с глубокой бедностью в данной стране, это означает сравнительно низкие доходы у большинства представителей верхнего дециля. Эту общую картину подтверждают и другие показатели (доля национального дохода, принадлежащего нижнему децилю и нижним двум децилям, а также коэффициент Джини). Все они максимальны в Индии, в нашей стране напоминают ситуацию в Китае и при этом намного лучше, чем в Бразилии и ЮАР. Это не позволяет говорить о развитии ситуации в России в области распределения неравенств по латиноамериканскому сценарию.

Конечно, это не означает, что в России в области неравенств сейчас все обстоит благополучно – не случайно показатели доли национального дохода, принадлежащего нижним децилям, до сих пор не вышли на уровень 1990 года, т.е. произошло относительное обеднение не только нижних 20%, но трех нижних 20-процентных групп (табл. 6). При этом показатели коэффициента Джини, как и доли доходов, приходящихся на третью 20%-ную группу свидетельствуют, что за последнюю четверть века в России имело место относительное обеднение даже средних слоев.

На основе приведенных в таблицах 5 и 6 особенностей распределения неравенств можно сформулировать наиболее характерные черты российской модели этого распределения – 1) высокая по европейским меркам неравномерность распределения доходов по обществу в целом, отражаемая в высоких (более 0,40) показателях коэффициента Джини, что достаточно типично, впрочем, и для других стран БРИКС; 2) низкие доходы населения, относящегося к срединным слоям (о чем свидетельствует и тот факт, что медианные доходы в России составляют лишь

Таблица 5

Динамика некоторых статистических показателей общей ситуации с неравенствами в странах БРИКС, 1988–2011 гг.

Страны	Коэффициент фондов, %					Коэффициент Джини, доходы				
	1988	2001	2005	2009	1988	2001	2005	2011		
Бразилия	76,8	95,3	65,9	55,8	61,4	61,2	57,4	51,2		
Россия	4,61	13,9	15,2	16,2(2013)	23,8	42,2	37,5	41,7		
Индия	6,9	–	7,5	7,8(2010)	31,9	–	33,4	33,9(2010)		
Китай	7,2(1990)	13,9(2002)	17,9	17,7	32,4(1990)	44,8	42,5	47,4		
ЮАР	29,5(1995)	35,1(2000)	53,8(2006)	44,2	56,6(1995)	57,8(2000)	57,5(2006)	51,7(2009)		
Доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% населения (нижнему децилу), %										
Страны	1988	2001	2005	2009	1988	2001	2005	2009		
Бразилия	0,7	0,5	0,7	0,8	2,1	2,1	2,8	2,9		
Россия	4,2	2,5	2,7	2,8	10	6,1	6,5	6,5		
Индия	3,9	–	3,8	3,7(2010)	8,8	–	8,6	8,5(2010)		
Китай	3,5(1990)	2,3(2002)	1,8	1,7	8,0(1990)	5,5(2002)	5,0	4,7		
ЮАР	1,5(1995)	1,3(2000)	1,1(20006)	1,2	3,6(1995)	3,1	2,3(2006)	2,7		

Источник: BRICSJoint Statistical Publication: 2015; Brazil, Russia, India, China, South Africa/ Rosstat. – М.: «Statistics of Russia», 2015. http://www.gks.ru/free_doc/2015/BRICS_ENG.pdf (доступ проверен 9.12.2015); Eurostat. The European Union and the BRIC countries. – Luxembourg: Statistical Office of the European Communities, 2012; World Population Prospects: The 2012 Revision, Highlights and Advance Tables. – New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2013. http://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf (доступ проверен 9.12.2015); UNU-WIDER: World Income Inequality Database. World Institute for Development Economics Research. 2015 <https://www.wider.unu.edu/data> (доступ проверен 9.12.2015); World Development Indicators: Employment in agriculture <http://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (доступ проверен 9.12.2015), – World Bank, 2015.

Таблица 6

Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения в России

Год	По 20-процентным группам населения, в %:					Коэффициент Джини
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)	
1970	7,8	14,8	18,0	22,6	36,8	...
1980	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4	...
1990	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7	...
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	0,387
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	0,395
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	0,409
2012	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	0,420
2013	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	0,419
2014	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	0,416

Источник: Распределение общего объема денежных доходов населения 2014. Табл. 7.10. Федеральная служба государственной статистики РФ http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-10.htm (доступ проверен 9.12.2015).

Примечание: Согласно ФСГС РФ, оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

74% от среднедушевых денежных доходов, а мода проходит на уровне 40,5% от среднедушевых доходов; 3) устойчиво низкие показатели доходов резко обедневших по сравнению с советским периодом «низов» (о чем свидетельствует не только то, что в нижней 20%-ной группе уровень доходов в 9 раз ниже, чем в верхней 20%-ной группе, но и очень высокий показатель децильного коэффициента фондов). И хотя это не столь глубокая дифференциация доходов как в большинстве стран БРИКС, сравнивая положение «низов» в России и других странах БРИКС всегда стоит помнить о том, что в России бедность «низов» – это не бедность малообразованного, занятого в натуральном хозяйстве или образующего «городское дно» населения, а в основном бедность работающих горожан, имеющих обычно как минимум полное среднее образование. Соответственно, и ими самими, и населением в целом она воспринималась иначе.

К тому же сложившаяся система неравенств стала в России результатом очень быстрого относительного обеднения большей части населения, а для нижних двух децилей – и абсолютного обеднения в течение

сравнительно короткого временного промежутка. При этом основания резко углубившейся социальной дифференциации в глазах подавляющего большинства населения абсолютно нелегитимны и не связаны с трудовыми усилиями наиболее преуспевающей части общества.

Вот почему, несмотря на относительно благополучную картину с неравенствами в России на фоне других стран БРИКС, и ситуацию с бедностью, и ситуацию с неравенствами в нашей стране с учетом переживаемого ею этапа экономического развития и предшествующего исторического опыта населения нельзя считать удовлетворительной. Более того – можно говорить о том, что она просто опасна.

Опасность сложившейся в области неравенств в России ситуации объясняется не только недовольством россиян углубляющимися неравенствами в стране, что чревато ростом социальной напряженности и рисками социально-политической нестабильности. Главная ее опасность заключается в другом. Хорошо известна *связь глубины и характера распределения неравенств и развития человеческого потенциала населения, прямо влияющего на темпы и перспективы экономического развития той или иной страны* – не случайно на место ИРЧП (индекса развития человеческого потенциала) в последние годы пришел ИНДИ – скорректированный с учетом уровня неравенств ИРЧП. Показатели этого индекса говорят о том, что Россия из-за существующих в ней неравенств, прежде всего – неравенств по доходам, несет значительные потери в качестве своего человеческого потенциала. При этом, как свидетельствуют данные, в России самый низкий показатель роста ИНДИ за последнюю четверть века из всех стран БРИКС, не считая ЮАР (табл. 7). Конечно, это можно было бы объяснить «эффектом базы», т.е. тем, что в России качество человеческого потенциала было изначально выше, чем в других странах БРИКС. Однако, соответствующий показатель в России (1,08) заметно отстает от показателей во всех группах стран, выделенных с учетом уровня их ИНДИ, включая страны с максимально высокими его показателями.

Если же посмотреть на то, в какую же группу стран попадает Россия с учетом характерных для нее моделей распределения неравенства в обществе и показателей ИНДИ более широко и отвлечься при этом от динамики этого показателя, то картина получится умеренно оптимистичной. С одной стороны, структура неравенств в России с этой точки зрения не может быть отнесена, конечно, ни к африканской, ни к латиноамериканской моделям. Но, учитывая уровень экономического развития нашей страны, вряд ли это можно считать большим достижением. С другой стороны, эта структура не может быть отнесена не только к европейской модели, но и к основным моделям неравенств, существующих в постсоветских странах. Можно сказать, что *на примере распределения неравенства в обществе еще раз подтверждается тезис о том,*

Динамика ИНДИ в странах БРИКС

<i>Показатели скорректированного с учетом неравенств Индекса развития человеческого потенциала²</i>								
Страны	1980	1990	2000	2005	2008	2010	2012	Рост с 1990 г., раз ³
Бразилия	0,522	0,59	0,669	0,699	0,716	0,726	0,73	1,24
Россия	...	0,73	0,713	0,753	0,778	0,782	0,788	1,08
Индия	0,345	0,41	0,463	0,507	0,533	0,547	0,554	1,35
Китай	0,407	0,495	0,59	0,637	0,672	0,689	0,699	1,41
ЮАР	0,57	0,621	0,622	0,604	0,613	0,621	0,629	1,01
<i>Справочно: страны с</i>								
очень высоким ИНДИ	0,773	0,817	0,867	0,889	0,898	0,902	0,905	1,11
высоким ИНДИ	0,605	0,656	0,695	0,725	0,745	0,753	0,758	1,56
средним ИНДИ	0,419	0,481	0,549	0,589	0,617	0,631	0,64	1,53
низким ИНДИ	0,315	0,35	0,385	0,424	0,448	0,461	0,466	1,33

Источник: Human development report. The rise of the South: Human progress in a diverse world. – New York: United Nations Development Programme. 2013.

что «Россия – это не Европа», и что эта «не-Европа» означает (учитывая фундаментальный характер такого показателя как особенности распределения неравенства в обществе) цивилизационную близость России скорее к наиболее продвинутым странам Азии³, чем к странам Запада. Хотя на основе проведенной нами классификации моделей распределения неравенств в обществе правильнее будет говорить все же о том, что России присуща особая модель этого распределения.

В чем же заключаются её характерные особенности? Помимо показателей особенностей распределения доходов (отражающихся в коэффициентах фондов, Джини и т.д.), для получения ответа на этот вопрос необходимо иметь в виду и распределения ключевых немонетарных неравенств в обществе, а именно неравенств в образовании, доступе к качественной медицинской помощи (косвенным свидетельством чего выступают и неравенства в продолжительности жизни). Учитывая сложность

¹ Жирным шрифтом и фоном выделены показатели по России.

² Расчеты авторов.

³ Липкин, А.И. / Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // *Мир России*, 21(4), 40–62. 2012.

получения пригодного для масштабного межстранового сравнительного анализа данных по этим видам неравенств, мы использовали как косвенный индикатор глубины соответствующих неравенств в обществе те потери, которые страны несут из-за них в качестве своего человеческого потенциала (табл. 8¹).

Данные табл. 8 позволяют охарактеризовать каждую из приведённых в ней моделей распределения неравенств. Начнем с характеристики **американской модели**, для которой характерны очень высокие показатели HDI и сравнительно высокие по отношению к другим развитым странам показатели потерь из-за неравенств. При этом низкие показатели потерь в человеческом потенциале из-за неравенств в образовании и продолжительности жизни сочетаются в ней с достаточно высокими (24,1%) показателями потерь от неравенств по доходам. Ту же тенденцию высокого неравенства доходов демонстрируют квантильный коэффициент дифференциации и коэффициент Джини, показатели которых в США выше, чем во всех группах европейских стран.

В **скандинавской модели** все показатели неравенства гораздо ниже, чем в западноевропейской или, тем более, североамериканской. В итоге HDI в ней очень высок и опережает аналогичные показатели в США, а потери от неравенств в человеческом потенциале по каждому из его показателей вдвое ниже, чем в США. При этом по уровню ВВП на душу населения скандинавские страны близки к США, а в Норвегия их даже опережает.

Страны с распределением неравенств по **европейской модели** занимают промежуточное положение между странами Северной Европы и США. Показатели неравенства в них обычно находятся в диапазоне 4,3–4,4 по квантильному коэффициенту дифференциации и 28–30 по коэффициенту Джини, при этом потери от неравенств в человеческом потенциале практически такие же, как в скандинавской модели (неравенства в образовании у них даже чуть меньше, но зато неравенства по доходам – чуть больше).

Для **южноевропейской модели** характерны более высокие, чем в странах «ядра» Европы, показатели неравенств, включая потери из-за них в человеческом потенциале, и, соответственно более низкий показатель HDI. Однако в сравнении со странами Азии, Африки и Латинской Америки эти потери все же невелики.

Постсоциалистические страны распадаются с точки зрения распределения в них неравенств по меньшей мере на три большие группы.

¹ В целях уменьшения ее объема мы ограничились в приведённой таблице лишь несколькими моделями, представлявшими наибольший интерес с точки зрения сравнения их с Россией – в частности, в нее не вошли ближневосточная, тихоокеанская и другие модели распределения неравенств. По каждой модели приведены наиболее типичные для нее страны. Жирным шрифтом и фоном в таблице выделены страны БРИКС.

**Характеристики показателей экономического развития, ИНДИ и проявлений
неравенств в разных группах стран мира**

Страны	2013 ВВП на душу населения	2013 Темпы роста экономики	2012 Доля сельского населения	2012 Доля населения со средним образованием	2012 Доля населения с доходом менее \$ 1,25 по ППС в день	2012 HDI	2012 INDI	2012 Общие потери INDI (%)	2012 Потери INDI из-за неравенств в продолжительности жизни (%)	2012 Потери INDI из-за неравенств в образовании (%)	2012 Потери INDI из-за неравенств в доходе (%)	2000–2010 Квантильный коэффициент дифференциации доходов	2000–2010 Коэффициент Джини (по доходам)
Американская модель													
США	53142,9	1,9	17,1	94,5	–	0,937	0,821	12,4%	6,6%	5,3%	24,1%	8,4	40,8
Скандинавская модель													
Финляндия	38250,7	–1,4	16,1	100,0	–	0,892	0,839	6,0%	3,9%	2,4%	11,3%	3,8	26,9
Швеция	43454,8	1,5	14,5	85,0	–	0,916	0,859	6,2%	3,3%	3,8%	11,2%	4,0	25,0
Норвегия	65461,2	0,6	20,1	95,2	–	0,955	0,894	6,4%	3,7%	2,2%	12,8%	3,9	25,8
Европейская модель													
Австрия	44167,5	0,4	31,9	100,0	–	0,895	0,837	6,6%	4,2%	2,5%	12,7%	4,4	29,2
Германия	43331,7	0,4	25,8	96,5	–	0,92	0,856	6,9%	4,0%	1,8%	14,5%	4,3	28,3
Швейцария	6683,5	2,8	78,8	95,8	–	0,913	0,849	7,0%	4,1%	2,%	14,3%	5,5	33,7
Южноевропейская модель													
Испания	32103,5	–1,2	22,3	66,4	–	0,885	0,796	10,1%	4,1%	5,5%	19,7%	6	34,7

Греция	25651,0	-3,9	38,0	62,0	–	0,86	0,76	11,5%	4,8%	11,3%	18,1%	6,2	34,3
Италия	34302,6	-1,9	31,2	72,8	–	0,881	0,776	11,9%	3,9%	13,1%	18,1%	6,5	36
Постсоциалистическая модель № 1													
Словения	27915,4 (2012)	-2,5 (2012)	50,1	96,6	0,1	0,892	0,84	5,8%	4,1%	3,3%	9,9%	4,8	31,2
Словакия	25333,2 (2012)	1,8 (2012)	45,3	98,8	0,1	0,84	0,788	6,3%	5,7%	1,5%	11,3%	3,6	26
Венгрия	22189,8 (2012)	-1,7 (2012)	29,6	94,8	0,2	0,831	0,769	7,4%	5,7%	4,1%	12,2%	4,8	31,2
Постсоциалистическая модель № 2													
Эстония	25048,7	0,8	30,4	94,5	0,5	0,846	0,77	9,0%	6%	2,6%	17,7%	6,4	36,0
Польша	23274,8	1,6	39,2	80,0	–	0,821	0,74	9,9%	5,8%	6,3%	17,1%	5,5	34,1
Латвия	21380,6 (2012)	5,0 (2012)	32,3	98,4	0,1	0,814	0,726	10,9%	7,1%	3,6%	20,9%	6,6	36,6
Постсоциалистическая модель № 3													
Армения	7774,4	3,5	35,8	94,4	1,3	0,729	0,649	10,9%	14,9%	3,7%	13,9%	4,5	30,9
Казахстан	23205,6	6,0	46,6	99,3	0,1	0,754	0,652	13,6%	16,2%	6,9%	17,3%	4,2	29,0
Монголия	9432,7	11,7	29,8	82,4	–	0,675	0,568	15,9%	18,8%	8,9%	19,7%	6,2	36,5
Российская модель													
Россия	24120,3	1,3	25,8	94,7	0	0,788	10,8%	..	11,9%	7,3	40,1
Модель в относительно благополучных странах юго-западной Азии													
Таиланд	14390,0	1,8	65,1	32,2	0,4	0,69	0,543	21,3%	10,1%	18,%	34,0%	7,1	40

Таблица 8 (окончание)

Страны	2013 ВВП на душу населения	2013 Темпы роста экономики	2012 Доля сельского населения	2012 Доля населения со средним образованием	2012 Доля населения с доходом менее \$ 1,25 по ППС в день	2012 HDI	2012 IHDI	2012 Общие потери IHDI (%)	2012 Потери IHDI из-за неравенств в продолжительности жизни (%)	2012 Потери IHDI из-за неравенств в образовании (%)	2012 Потери IHDI из-за неравенств в доходе (%)	2000–2010 Квантильный коэффициент дифференциации доходов	2000–2010 Коэффициент Джини (по доходам)
Турция	18975,5	4,0	26,7	34,5	0	0,722	0,56	22,5%	12,8%	27,4%	26,5%	7,9	39
Китайская модель													
Китай	11903,6	7,7	46,9	62,7	13,1	0,699	0,543	22,4%	13,5%	23,2%	29,5%	9,6	42,5
Индийская модель													
Индия	5410,3	5,0	68,0	37,8	32,7	0,554	0,392	29,3%	27,1%	42,4%	15,8%	4,9	33,4
Латиноамериканская модель													
Мексика	16463,4	1,1	21,3	53,9	1,2	0,775	0,593	23,4%	10,9%	21,9%	35,6%	11,3	48,3
Перу	11775,4	5,8	22,1	52,9	4,9	0,741	0,561	24,3%	14,8%	24,6%	32,5%	13,5	48,1
Бразилия	15033,8	2,5	14,9	49,5	6,1	0,73	0,531	27,2%	14,4%	25,3%	39,7%	20,6	54,7

Африканская модель													
Южная Африка	12503,7	1,9	37,1	70,4	13,8	0,629	28,4%	20,8%	..	25,3	63,1
Намибия	9685,0	4,4	60,5	33,5	31,9	0,608	0,344	43,5%	21,1%	27,8%	68,3%	21,8	63,9
Ангола	7538,2	4,1	39,3	–	–	0,508	0,285	43,9%	46,1%	34,6%	50,0%	30,9	58,6
<i>Справочно: группы стран с</i>													
очень высоким HDI				85,9	–	0,905	0,807	10,8%	5,2%	6,8%	19,8%	–	–
высоким HDI				64,2	–	0,758	0,602	20,6%	12,4%	19,9%	28,6%	–	–
средним HDI				50,5	–	0,64	0,485	24,2%	19,3%	30,2%	22,7%	–	–
низким HDI				25,2	–	0,466	0,31	33,5%	35,7%	38,7%	25,6%	–	–

Источник: Human development report. The rise of the South: Human progress in a diverse world. – New York: United Nations Development Programme. 2013; World Development Indicators: GDP growth (annual %). <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (доступ проверен 9.12.2015); GDP per capita, PPP (current international \$) <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (доступ проверен 9.12.2015); Rural population(% of total) <http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (доступ проверен 9.12.2015). – World Bank, 2015.

В **первой группе постсоциалистических стран**, объединяющей такие европейские страны как Словения, Словакия, Венгрия, Беларусь, Украина, Сербия, Болгария, показатели модели распределения неравенств в обществе в целом близки к европейской модели. У них низкие показатели квантильного коэффициента (3,6–4,8) и коэффициента Джини (26,0–31,2). Структура потерь в ИРЧП от учета распределения неравенств в продолжительности жизни, образовании и доходах у них также близка к европейской модели. Учитывая, что большинство этих постсоциалистических стран характеризуются заметно более низким, чем в Австрии, Германии и других странах, образующих «ядро» последней, показателями ВВП на душу населения (по этому показателю они ближе скорее к странам Южной Европы), такое распределение неравенств свидетельствует об их значительной нормативно-ценностной близости к странам Западной Европы в данном отношении.

Вторая группа постсоциалистических стран (Польша, Эстония, Латвия, Литва, Румыния) характеризуется большими показателями коэффициента Джини и общих потерь ИРЧП от неравенств в целом, чем в европейской модели и в первой группе постсоциалистических стран. В этом плане входящие в эту группу страны скорее напоминают другую группу географически периферийных по отношению к «ядру» старой Европы стран, а именно стран Южной Европы. При этом в силу их социалистического прошлого потери HDI из-за неравенств в образовании в них намного ниже, чем в южноевропейских странах, а потери из-за неравенств в продолжительности жизни, как и у южноевропейских стран, в них сравнительно небольшие (9–12,6%). В итоге HDI в них достаточно высок (0,687–0,77), а по модели потерь в своем человеческом потенциале от неравенств они воспроизводят ситуацию, характерную для стран с очень высоким HDI.

Третья группа постсоциалистических стран объединяет такие находящиеся на стыке Европы и Азии или в Центральной Азии страны как Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Монголия, Таджикистан и другие. Для нее характерны близкие ко 2-й группе постсоциалистических стран и к южноевропейским странам показатели квантильного коэффициента дифференциации доходов и коэффициента Джини. Характерны для нее, помимо этого, низкие показатели неравенств в области образования и гораздо более высокие, чем во всех рассмотренных выше группах стран, потери из-за неравенств в продолжительности жизни. В итоге общие потери в качестве человеческого потенциала из-за неравенств в ней, хотя и заметно выше, чем во всех рассматривавшихся выше группах стран, все же относительно невелики на фоне стран Африки, Азии и Латинской Америки и не превышают 18,4%. В этом плане данная группа занимает четкое промежуточное положение между рассмотренными выше группами стран, с одной стороны, и не имевшими

социалистического опыта развивающимися странами Африки, Азии и Латинской Америки, с другой, что наглядно демонстрирует значимость для модели неравенств социокультурных факторов и опыта прошлого исторического развития.

Важно подчеркнуть, что *российская модель распределения неравенств не совпадает ни с одной из описанных выше моделей*. Для нее характерны более глубокие, чем в европейских и подавляющем большинстве постсоциалистических стран показатели неравенств по доходу (напоминающие скорее ситуацию в США в части экономических неравенств) и средние показатели потерь из-за неравенств в продолжительности жизни. При этом по глубине неравенств, особенно по обществу в целом, а не только «по краям» доходного распределения, Россия более всего похожа из числа постсоветских стран на Грузию. Близка к России по модели распределения неравенств в обществе и также находящаяся на стыке Европы и Азии и в целом благополучная на фоне большинства азиатских государств (хотя и с заметно меньшим ВВП на душу населения, чем в России) Турция.

Если же говорить о странах БРИКС, то из данных таблицы 8 видно, что Россия от всех них отличается в этом отношении очень заметно. Ее в принципе нельзя сравнивать по распределению в ней неравенств с Бразилией, Индией или Южной Африкой. Если же говорить о Китае, то в нем неравенства по доходам, измеряемые с помощью коэффициентов Джини, несколько глубже, чем в России. При этом, однако, за счет большой доли населения, находящегося в глубокой бедности, потери из-за неравенств в качестве человеческого потенциала в Китае в разы больше. Заметно больше в Китае и потери HDI из-за неравенств в продолжительности жизни. Кроме того, в Китае по всем составляющим индекса HDI неравенство дает очень значительный понижающий эффект, в разы больший, чем по всем моделям, характерным для так называемого «западного» и даже постсоциалистического пути развития. Максимальную роль в этом понижающем эффекте дают неравенства в ожидаемой продолжительности жизни и образовании, а не в доходах.

В Индии картина существенно иная и во многом парадоксальная. Здесь сравнительно невысокие (примерно как в Бельгии) показатели коэффициента Джини и квантильного коэффициента сочетаются с очень глубокими социальными неравенствами в полярных группах населения – не случайно именно в Индии максимальная из всех стран БРИКС доля тех, чьи душевые доходы составляют менее \$ 1,25 по ППС в день. В итоге именно в ней неравенства вносят максимальный вклад в понижение HDI по отношению к HDI. Эта картина в значительной степени объясняется сравнительно ранней стадией в Индии процессов урбанизации и индустриализации, о чем говорит и показатель уровня глубокой

преиндустриальной бедности, и низкая доля лиц со средним образованием.

В целом *китайская и индийская модели распределения неравенств в обществе весьма специфичны и, как и российская, не имеют аналогов. В то же время Бразилия и ЮАР являются типичными представителями латиноамериканской и африканской моделей распределения неравенств.* Так, к числу особенностей **латиноамериканской модели** распределения неравенств относятся чрезвычайно высокие показатели коэффициента Джини, а также очень большие потери человеческого потенциала из-за неравенств в сфере образования и, особенно, доходов. Распределение неравенств, особенно по доходам, в ней таково, что очень глубокие неравенства характеризуют как общество в целом, так и полярные его группы при высокой доле в населении представителей глубокой бедности. В полной мере характерны эти особенности распределения неравенств и для Бразилии.

Африканская модель (куда не входят страны Ближнего Востока, формирующие особую модель), характеризуется несвойственными другим моделям чрезвычайно высокими показателями потерь человеческого потенциала из-за неравенств в продолжительности жизни, и столь же серьезными, как в странах Латинской Америки, неравенствами в образовании и доходах. При этом в ЮАР эти особенности африканской модели в целом выражены даже ярче, чем во многих других крупных странах Африки.

Сделаны некоторые выводы.

1. Если говорить о бедности, то специфика как самой бедности, так и методов борьбы с ней в странах БРИКС обуславливается прежде всего тем этапом развития (исторической эпохой), на котором находятся эти страны в своем движении по пути модернизационных преобразований, и прежде всего урбанизации и индустриализации. Именно специфика этого этапа и предопределяет специфику сочетания в них различных типов бедности. Немалую роль в определении этой специфики играют и институциональные особенности этих стран (регулирование внутренней и внешней миграции, политика реформ в сельском хозяйстве и т.д.). В результате в каждой из стран БРИКС, включая Россию, свое сочетание различных типов бедности.

2. Основную специфику «бедности по-российски» составляет ее исключительная гетерогенность, обусловленная не только сохраняющейся до сих пор многоукладностью российской экономики в целом, но и колоссальными различиями в уровне социально-экономического развития отдельных регионов. Эта ее специфика затрудняет борьбу с бедностью в России, поскольку сочетание разных типов бедности в отдельных регионах страны очень сильно различается. Однако, несмотря на это, передать задачу борьбы с бедностью на уровень регионов невозможно, поскольку

ключевые «рычаги» этой борьбы (инвестиционная политика, политика занятости, миграционная политика, налоговая политика, социальная политика) находятся сегодня преимущественно в распоряжении центральных органов власти, и именно федеральные структуры власти должны максимально задействовать эти «рычаги» для целей борьбы с бедностью в России.

3. В числе ключевых инструментов борьбы с бедностью в рамках государственной социально-экономической политики должны выступать:

- инвестиционная политика, важнейшим направлением которой должно стать изменение пропорций рабочих мест в пользу сокращения доли низкоквалифицированного и низкооплачиваемого труда;

- политика занятости, в рамках которой государству необходимо принять на себя функции, выполняемые в развитых странах профсоюзами и другими ассоциациями работников, в частности – регулирование минимальных почасовых заработных плат для разных типов рабочей силы с выведением их минимальных показателей на уровень 1,5 региональных прожиточных минимумов для соответствующих категорий работников;

- миграционная политика, предполагающая «точечную» работу с притоком мигрантов на локальных рынках труда с учётом ситуации в различных их сегментах с одновременным резким сокращением нелегальной миграции;

- налоговая политика, предполагающая не только введение вычетов в размере регионального прожиточного минимума на несовершеннолетних детей, но и стимулирование «по скользящей шкале» всех форм деятельности, связанных с попытками населения самостоятельно создать себе «подушку безопасности» на случай неожиданных бедствий (прежде всего – использования таких форм страхования как страхование жизни, здоровья, жилья и домашнего имущества), а также возможности снижения налоговой ставки для зарабатывающих ниже медианных доходов с дифференциацией по типу поселений;

- образовательная политика, направленная на повышение качества образования в сельской местности и малых городах, а также повышение доступности и качества профессионального образования разного уровня и его доступности для определённых категорий молодёжи при условии заключения ими контрактов с обязательством «отработать» полученное образование;

- социальная политика, одним из ключевых направлений которой должно стать сокращение избыточных неравенств и выравнивание стартовых условий для детей, молодёжи и лиц, оказавшихся в сложной ситуации «не по своей вине» (потеря кормильца, инвалидность и т.д.).

Несомненно, это непривычная и достаточно сложная для администрирования постановка задач борьбы с бедностью. Однако, как показывает опыт развитых стран, все эти задачи вполне реализуемы и только

такого рода деятельность, а не совершенствование системы социальных пособий, не просто более эффективна, но и начинает играть с годами все большую роль в борьбе с бедностью во всех странах, осуществляющих активную политику в этой области.

4. Что касается ситуации с неравенствами, то она в меньшей степени, чем ситуация с сочетанием разных типов бедности, зависит от переживаемого конкретной страной этапа социально-экономического развития, хотя он, конечно, также очень важен. В числе наиболее значимых факторов, определяющих модель распределения неравенств в обществе, следует назвать, прежде всего, особенности нормативно-ценностных систем, характерных для разных цивилизационных ареалов, и прошлый исторический опыт.

5. Ситуация с неравенствами в России весьма специфична и свидетельствует о том, что российское общество с точки зрения характерной для него модели распределения неравенств идет «своим путем», хотя и находится при этом ближе к наиболее продвинутым странам Азии, чем к даже находящимся на схожем с Россией этапе экономического развития странам Европы. При этом модель распределения неравенств в России не имеет ничего общего с моделью, характерной для стран Африки, и очень далека от латиноамериканской модели распределения неравенств.

6. Наиболее характерными для России особенностями распределения неравенств на фоне других развитых и развивающихся стран выступают: 1) высокая по европейским меркам неравномерность распределения доходов по обществу в целом; 2) низкие доходы населения, относящегося к срединным слоям населения; 3) относительно неглубокая, по сравнению с другими странами БРИКС, дифференциация доходов; 4) самый низкий показатель роста качества человеческого потенциала за последнюю четверть века из всех стран БРИКС именно из-за ситуации с неравенствами. При этом она значительно отличается от других постсоциалистических стран и идет особым, «евразийским» путем, оказываясь ближе всего в этом отношении не к постсоветским странам или странам БРИКС, а к таким странам как Грузия и Турция.